

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ОБЩЕСТВО НА ПУТИ
К «ЧЕЛОВЕКУ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ»

В.П. ЗИНЧЕНКО

На фоне краткого экскурса в историю отечественной психологии автор показывает трудность и извилистость, порой, трагичность пути общества и науки к действительной сложности человека. Характеристика психологии как науки культурно-исторической относится не к ее состоянию (прошлому, настоящему или будущему), а к пути, определяемому мерой ее чувствительности к культуре и истории, к социальной ситуации существования и развития человека. Подчеркнута роль практической психологии в движении по этому пути.

Ключевые слова: культура, история, «новый человек», сознание, самосознание, личность, судьба, свобода, диалог, переживание.

Путь к «человеку психологическому» извилист и едва ли имеет конец, как не имеет конца дорога к себе или дорога к храму, к истине. На таком пути главное — способность и усилие человека быть человеком. История — вещь поучительная, хотя уроки из нее редко извлекаются, поэтому-то история повторяется и дважды, и трижды... Она, видимо, руководствуется поговоркой, бытовавшей в средневековых университетах: «Повторенье — мать ученья и прибежище ослов». Общество то начинает движение к человеку разумному (психологическому, экономическому и т.п.), то останавливается и идет вспять. Психология, конечно, не панацея от бед человеческих, она не меняет историю, максимум на что она способна — это «по-

трясти» (в смысле Дж. Рида), но, слава Богу, не мир, а культуру. В XX в. такое удалось сделать только З. Фрейд: от изобретенных им неврозов и комплексов человечество до сих пор не может оправиться. Психология — всего лишь помогающая, а не властная и руководящая человеком (а тем более — обществом) сила. Она, являясь понимающей и приглашающей силой, подобна культуре, — хотя и силой, но такой, которой не свойствен культ насилия. А человек для культуры, в том числе и для психологии, — желаемость, ожидаемость.

Конечно, психология психологии — рознь, в том смысле, насколько она сама, как наука, движется к человеку психологическому, или хотя бы осознает необходимость движения в этом направлении. На сломе XIX и XX вв. рождающаяся культура Серебряного века не принимала старую психологию. А. Блок писал о ней: «Мы ругали “психологию” оттого, что переживали “бесхарактерную” эпоху, как сказал ... в Академии Вяч. Иванов. Эпоха прошла, и, следовательно, нам опять нужна вся душа, все житейское, весь человек. Назад к душе,

*Настоящий текст подготовлен в рамках индивидуального исследовательского проекта № 07-01-178 «Творческий акт и смысл в структуре сознания», выполняемого, при поддержке Научного Фонда ГУ–ВШЭ. В основе текста лежит доклад, прочитанный автором на конференции «Психолог и общество: диалог в взаимодействии» 12 февраля с.г. (см.: *Вопр. психол.* 2008. № 2. С. 182–185).*

не только к человеку, но ко «всему человеку» — с духом, с душой, с телом, с житейским — трижды так» [2; 148—149]. Видимо, А. Блок был вещун. Наступившая новая эпоха привлекла к решению практических жизненных задач таких гигантов отечественной науки, как В.М. Бехтерев, И.П. Павлов, А.А. Ухтомский, Г.И. Челпанов, Г.Г. Шпет, и более молодых — П.П. Блонского, С.Л. Рубинштейна, Л.С. Выготского, М.М. Бахтина, Н.А. Бернштейна, С.В. Кравкова, И.Н. Шпильрейна, — всех не перечислить. Их идеями мы питаемся до сих пор. Все они действовали не только спонтанно, а откликаясь на запросы общества. Их внимание было направлено на поведение, деятельность, сознание, личность, волю, аффекты.

В советской России создавались целые отрасли науки, в том числе и соответствующие психологические службы: психотехника, эргономика, социальная психология, педология, медицинская психология, психология искусства, интенсивно изучалась детская одаренность, развивался и психоанализ. Начал открываться и раскрываться «человек психологический», требовавший все новой и новой практики, которая примерно в то же время возникала и совершенствовалась на пространствах европейской цивилизации. Не оценивая научной обоснованности и эффективности этой практики (в новом деле всякое бывает), скажем, что она столкнулась с действительной сложностью человека. Во всяком случае, психология как наука стала более чувствительной к культуре и истории, к социальной ситуации существования и развития человека.

Послереволюционная эпоха стала приобретать «характер», чему способствовала идущая снизу бурная общественная активность, порождавшая многообразные формы самоорганизации и самостоятельности (от комитетов бедноты до театров и академий). Разумеется, не сразу, не вдруг, а постепенно наступила эпоха чересчур «характерная» и нестерпимо долгая. Это затронуло и науку, прежде всего гумани-

тарную. В 1925 г. был запрещен психоанализ и изучение бессознательного, а в год «Великого перелома» страна потеряла сознание, оно стало вторичным, второсортным, — словом, «второй свежести»; оно определялось даже не бытием, а скудным бытом. Раскрывавшаяся психоанализом и феноменологией сложность устройства человеческого сознания и психики для власти была лишь помехой в достижении ее целей. Запрещались и уничтожались, нередко вместе с носителями, целые отрасли и научные направления психологии. Все это походило на привычную советскую практику проведения партийных собраний: «открытое собрание закрывается, закрытое собрание открывается». Власть решила отказаться от сложности человека, последовать старому цыганскому рецепту: «легче новых сделать».

Чтобы не вдаваться в историю, уместно напомнить Б. Пастернака: «...телегою проекта / Нас переехал новый человек»; «О личностях не может быть и речи. / На них поставим тут же крест». Об этом же запись А. Платонова в дневнике 1929 г.: Новый человек — голый, без души и имущества, в предбаннике истории, готовый на все, только не на прошлое. В итоге замесившая сознание идеология формировала не «нового человека» по М. Горькому, а «серого человека» по М. Зощенко. Вместо гармонической личности формировалась гормональная. Так у нас появился homo soveticus, в Германии — нацисты, в Китае — хунвейбины... Подобных персонажей М. Фуко называл «биополитическими телами».

Идея «нового человека» стара как мир, она звучала во все времена. В более близкое к нам время так была истолкована — именно истолкована — и реализована в нацистской Германии идея сверхчеловека Ф. Ницше. На самом деле, по замыслу автора, сверхчеловек означает высшую ступень духовного развития человека (и общества), для которого характерна сильнейшая жажда морального и интеллектуального совершенствования. Ф. Ницше

противопоставлял сверхчеловека человеку «полому». Правда, он сам признавал, что образ сверхчеловека это — безумие, которое должно быть привито людям. Вполне разумную форму «безумия» Ф. Ницше выразил облегченной максимой: «Стань тем, кто ты есть», т.е. стань человеком. Порой Л.С. Выготского упрекали в том, что он, под влиянием Ф. Ницше, говорил о «новом человеке»; он по этому поводу даже ссылался на максималиста Л.Д. Троцкого (как говорится, из песни слова не выкинешь). Однако для Л.С. Выготского «новый человек» был синонимом свободного человека, а путь к нему был эквивалентом пути к «вершинной психологии». Он цитировал своего любимого Гамлета: «Как Гамлет говорит об отце: он человек был во всем значеньи слова. *Esse homo*». Это и есть «человек психологический», если угодно, «человек собранный», т.е. стоящий в начале причин собственного действия, или «сильно развитая личность» (Ф.М. Достоевский).

Обо всем этом можно было бы не вспоминать, если бы идея «нового человека» не возникала снова и снова. Последний по времени проект формирования «*homo novissimus*» принадлежит евразийцу, или азиопу А. Дугину, который он не постеснялся опубликовать в журнале РАН «Человек». Вспоминают о «новом человеке» и в Российской академии образования. Рекламируют эту идею и некоторые «практики — практиканты», называющие себя психологами. Все они пользуются доверчивостью и внушаемостью нашего традиционно психологически малограмотного населения, у которого это находит спрос.

М.К. Мамардашвили назвал идею «нового человека» одной из самых глупых и трагических в XX в. Она исходит из предположения, что как существование вопроса о том, каков человек в определенном состоянии, в определенном бытии, так и ответ на этот вопрос — привилегия кого-то другого, который лучше самого человека может знать, что хорошо этому человеку, а что — плохо. И этот «знаю-

щий» может перенести свое знание решительными действиями в жизнь другого, кроить и перекраивать ее [6; 68]. Это такая простота представлений о человеке, которая хуже воровства.

Оставим в стороне старых и новоявленных идеологов, которых М.К. Мамардашвили называл «самозванцами мысли» и «торговцами смыслом жизни»; обратимся к тем, кто действительно нуждается в знаниях о человеке, например, о человеке работающем, или о человеке экономическом. Они также стараются упростить задачу. Их волнует «человеческий фактор», а с недавних пор — «человеческий капитал». Со стороны психологов было бы недостойно упрощать ответы на подобные практические запросы. Как известно, человек создан не для удобства психологической теории, эксперимента и практики. Чтобы «человеческий фактор» был созидательным, а не разрушительным, а «человеческий капитал» не лежал мертвым грузом, не девальвировался, а приносил прибыль, в человека нужно инвестировать. И здесь мы неминуемо сталкиваемся с подлинной сложностью человека, к которой у нашей социальной (понимаемой в широком смысле слова) науки и практики нет привычки и вкуса. Слишком часто приходится наблюдать театрализацию социального долга.

В отличие от России, в развитых странах Запада психология давно воткана в социальную жизнь. Психологические службы работают в образовании, медицине (не только в психиатрии), в экономике, в армии, политике, промышленности, судах, тюрьмах. Два психолога (Г. Саймон и Д. Канеман) получили Нобелевские премии по экономике. Соответственно, имеются различные психологические ассоциации и общества. Психологи, помимо непрерывного образования и получения ученых степеней, систематически проходят сертификацию и регулярно подтверждают свои сертификаты и лицензии. Государства доверяют проведение сертификации и лицензирования деятельности

психологов соответствующим профессиональным ассоциациям.

Нам до всего этого довольно далеко, хотя по численности психологов мы уже догоняем США. Уходя от нас, советская власть оставила нам от 5 до 6 тыс. психологов. Сегодня, по самым скромным подсчетам, их в 20—30 раз больше. Если бы их всех можно было счесть профессионалами, это было бы чудом. Но, видимо, это наша традиция: брать числом, а не умением.

Происходящее, конечно, можно счесть болезнью роста, но пока вузы, действительно готовящие профессионалов, можно перечесть по пальцам. Тем не менее чудо все же происходит, правда, в достаточно скромных масштабах. В стране появились профессиональные практические психологи. Лучшие из них, так сказать, элита — это те, кто получили фундаментальное общепсихологическое образование (без соответствующей практической подготовки) еще в «старых» университетах и стали практиками поневоле. Уже есть кому готовить новые поколения для работы в таких сферах, как школьная, организационная, консультативная психология, психотерапия и др. Однако нельзя закрывать глаза на распространенность фельдшеризма, шаманства, поп-психологии.

С сожалением приходится констатировать, что почти вовсе прекратилась работа в области экспериментальной, инженерной психологии и эргономики. Для страны, удовлетворяющейся сырьевой, а не промышленной ориентацией, это не удивительно. В начале 70-х гг. в XX в. Ф.Д. Горбов — замечательный невролог и психолог предлагал — создать консультативную и психотерапевтическую службу: страна больна, говорил он, и через 20—25 лет такая служба будет востребована; он высказывал готовность помочь. Ф.Д. Горбов был прав, но, к сожалению, психологи всерьез это не приняли.

Теперь служба не только строится, причем снизу, практически без помощи государства, она интересно осмысливает

себя с теоретических и методологических позиций. Еще рано говорить, что после перерыва, длившегося многие десятилетия, была реализована мечта А. Блока, но под влиянием потребности людей в психологической помощи, в общей психологии и в психологическом образовании в самой психологической практике появились новые сюжеты. Человек страдающий, чувствующий, переживающий, стал, наконец, не теоретическим, а реальным объектом психологии, человек, который нуждается в эмпатии, симпатическом внимании, сопереживании, сочувственном понимании, а порой, и в жесткости. Остался пока в тени человек думающий, деятельный, волящий. Как говорит Г. Каспаров: «Такая у нас традиция: с интеллектом можно в десятую очередь разбираться». Ну что ж, придет и его время.

Выдающийся детский психолог А.В. Запорожец страстно протестовал против симплификации — упрощенного понимания развития ребенка — и предлагал стратегию его амплификации, обогащения. Он сам многое сделал для реализации своих идей, которые имеют прямое отношение к тому, что, наконец, появляется в общей и практической психологии. Остановимся на этом подробнее.

Начнем с того, что каждый человек — единственный, незаменимый, и в этом смысле новый, со своей судьбой. Давно известно, что личность рождается при решении экзистенциальной задачи освоения и овладения сложностью собственного бытия. В культуре многих народов человека, не испытывавшего второго рождения, называют «однажды родившимся». Именно в решении экзистенциальных задач происходит, в отличие от предсказуемого созревания индивида, длинная вереница рождений личности, или «человека в человеке» (Ф.М. Достоевский).

Сложность экзистенциальных задач каждый знает на своем опыте. Между тем мы редко отдаем себе отчет в том, что эта сложность принципиальна, она далеко не

всегда связана со слабостью нашего интеллекта (хотя бывает и такое). Сложность бытия связана с онтологическим принципом его неполноты. М.К. Мамардашвили, разъясняя неклассический принцип рациональности, говорил о том, что необходимо снять традиционную посылку полного бытия — знания, т.е. отказаться от предположения такого мира, где все «в себе» уже есть, дано, а истина — это реализовавшееся и актуализированное соответствие мысли преданному обстоянию дела. Неопределенность, необратимость, случайность, субъективность, наконец, сознание столь же объективны, как и так называемое объективное. Казалось бы, это очевидно, тем не менее об этом приходится постоянно напоминать, аргументировать и убеждать даже психологов. Прибегнем к помощи Ф. Тютчева: *Как океан объемлет шар земной, / Земная жизнь кругом объята снами*. А также мифами, фантомами, симулякрами, которые порой реальнее, чем сама реальность, поэтому они вовсе не случайно получили название гиперреальности, властно вторгающейся в человеческую жизнь. Судьба человека определяется не вероятностями, а превратностями. Да и жизнь может быть интересной лишь во всей ее перекаточной полноте. И наша жизнь есть постоянное испытание, претерпевание, осознание и овладение собой, преодоление, постоянная борьба с неопределенностью, поиск и, как сказал А.А. Ухтомский, требование от бытия смысла и красоты. Мы ведь своими фантазиями, воображением, деятельностью вынуждены доопределять неполноту бытия, а то и конструировать его по-своему, что, конечно, не всегда удается. Когда О. Мандельштам говорит: *«Я создатель миров моих...»*, — это не метафора: нужно быть автором собственной жизни, а не актером в чужой пьесе. И всерьез нужно воспринимать его слова: *«Все в мире переплетено моею собственной рукою»*. И если первое — приятно, хотя и трудно, то второе — страшновато. Поэтому-то широко распространены такие формы «борьбы» с

неопределенностью мира, с неполнотой бытия, как бегство от свободы, поиск тихой гавани, стремление к стабильности, мечта о золотом веке, вплоть до апатии, лишь бы не совершать ответственные поступки. (Многим невдомек один из законов Мерфи: «Предоставленная сама себе ситуация склонна развиваться от плохого к худшему».) При подобных установках всегда действительны «обманы путеводные». Сказанное не следует воспринимать как осуждение. Психолог — не судья и не прокурор.

Вернемся к «веренице рождений» и согласимся с А.Ф. Лосевым, что личность — это чудо и миф (а не зомби), формировать ее никому не дано. Сформированная личность — это наличность того, кто ее сформировал. По А.Ф. Лосеву, «личность есть осуществленная интеллигенция (т.е. самосознание), как миф, как смысл, лик самой личности. *А совпадение случайно протекающей, эмпирической истории личности с ее идеальным заданием и есть чудо»* [5; 150]. Чтобы чудо случилось, необходимы два плана личности — *«внешне-исторический и внутренне-замысленный, как бы план заданности, преднамеренности и цели»* [5; 143]. К счастью, оба плана ни социальной алхимии, ни педагогике не подвластны. Встреча планов или их расхождение — это и есть чудо или судьба. «Судьба — самое реальное, что я вижу в своей и во всякой чужой жизни. Это — не выдумка, а жесточайшие клещи, в которые зажата наша жизнь» [5; 144]. Судьба судьбою, но и свобода тоже кое-что стоит. Об этом, характеризуя человеческое Я, писал Г.Г. Шпет, который с меньшим пинететом, по сравнению с А.Ф. Лосевым, относился к судьбе и предназначенности: «Я, как социальный предмет с собственным именем, абсолютно, в том смысле, что я не только “носитель”, но и “источник”, не только “предназначенность”, но и “свобода»»; далее он продолжал: «Мы открываем в нем не только его “предназначенность”, но и то, что осуществляет ее некоторое энтелехическое начало, источ-

ник переживаний и сознания, *свободу*, источник конкретности и единственности» [7; 308]. Согласно Г.Г. Шпету, *я — свободно, раз во всем остается самим собой*. В этом человеческое достоинство и в этом же трудность его исследования, на чем настаивал М.М. Бахтин: «В человеке всегда есть что-то, что только сам он может открыть в собственном акте самосознания и слова, что не поддается овнешняющему заочному определению». И далее: «Подлинная жизнь личности доступна только диалогическому проникновению в нее, которому она сама ответно и свободно раскрывает себя» [1; 69—70]. Собственно, такое открытие себя реального, т.е. открытие в действии, в поступке, и есть одно из важнейших условий развития личности. Оно обеспечивает пушкинское «самостояние человека» и его свободное действие.

Для процитированных авторов — А.Ф. Лосева, М.М. Бахтина, Г.Г. Шпета — в психологии, равно как и в философии, главным было не формирование, даже не объяснение, а понимание личности, ее переживаний, самосознания и сознания. Иное дело — помощь человеку, ищущему себя, ищущему истину, судьбу на сложном пути — внутренней жизни. Как говорил Л.С. Выготский, кризисы на этом пути не временное состояние, а сам путь, который не бывает легким. Однако помощь помощи рознь. При формирующей позиции один «вчитывает», чтобы не сказать «впечатывает», себя в другого, при понимающей — наоборот, — «вычитывает» из другого, осторожно направляет ход его поисков. При столкновении с подлинной сложностью человека приходится, как при зрительном восприятии предмета, не только делать «обследовательский тур», чтобы понять целое, но и учиться видеть его изнутри. И здесь, когда мы познаем человека, мы вновь встречаемся с тем же принципом неполноты. Человек всегда больше того, что мы можем о нем узнать или сказать. Мы экранируем свой внут-

ренний мир не только от постороннего наблюдателя, но и от самих себя; когда от других, — это хорошо; трудно и неприятно представить, если бы кто-то проник в самые тайные пласты нашей души. К счастью, такому «кто-то» никакие самые изощренные методы или тесты не помогут. Как говорил философ В.В. Библихин, у истины свой метод, не наш.

И все же разбираться в жизненной ситуации практическому психологу легче, чем академическому. Он может прибегнуть к непосредственному усмотрению смысла, а не к умозаключению. Вообще работа практического психолога — это работа со смыслами, а не с понятиями и значениями. В этом она сродни искусству. В своего рода «совокупном действии» психотерапевта с клиентом возникает общность их аффективно-смысловых состояний, которая едва ли может быть выражена в понятийной форме. Такая общность вызывает доверие у клиента и может приводить к положительным результатам. Трудно сказать, под влиянием ли идей Л.С. Выготского об объективности аффективно-смысловых образований, наиболее ярко выраженных им в книге «Психология искусства», или под влиянием работы со страдающим человеком практические психологи отбросили давние сомнения в реальности, объективности субъективного, в том числе и в объективности извлекаемых ими смыслов. Только признание объективности субъективного открывает путь к его познанию. Это справедливо не только для работающего с людьми психолога, но и для любого стремящегося к самопознанию человека. Нужно вынести себя из себя, пред — ставить себя себе и, если такое получается, от чего-то постараться избавиться, а что-то укрепить в себе, повторно, но теперь осознанно усвоить, «интериоризировать». Такая осознаваемая вторичная интериоризация объективированного субъективного представляет собой трудную, часто непосильную работу для человека. И здесь неоценима помощь практического психолога

(консультанта, психотерапевта, психоаналитика).

Психологию больше, чем другие науки, характеризует принцип: «все в одном, одно во всем». В ней целостность описания явления — это одновременно идеал и цель, но также и путь, следуя которому только и можно получить заслуживающие внимания и доверия результаты. Например, слово, обозначающее какое-либо душевное явление: любовь, гнев и т.п., отображает или, по крайней мере, может отобразить его во всей полноте. И всякое новое понятие, относящееся к душевной жизни, отображает некоторую полноту. Но ведь всякое переживание у человека происходит из *одного* центра, центра переживаний, чувств, желаний, всякое *порождено* им. Безнадежность, любовь, страх, горе, внимание, образ, фантазия, рассудок — до бесконечности, все едино в едином. Не только всякое душевное переживание есть переживание Я, но и во всяком переживании последнее заключено целиком — возьмем самое «маленькое» раздражение человека: в нем весь человек. Ничего аналогичного в телах мы не найдем. Здесь принципиальное отличие душевного от телесного. Каждый психический процесс отображает в себе все другие. Эти давние размышления Г.Г. Шпета (близкие по времени размышлениям А. Блока) приведены, чтобы показать необходимость и обязательность рассмотрения, например, чувств в контексте жизни, деятельности, сознания, личности человека. Собственно, подобный контекстный подход используют практические психологи, когда они феномены, усматриваемые посредством чувственной и интеллектуальной интуиции, осмысливают в отношении к целому, пусть до поры и не полному, и не вполне понятому. Такую работу можно считать реальными шагами на пути восстановления в правах гражданства души в психологии, восстановления доверия к внутреннему опыту, будь этот опыт рациональным или иррациональным, созна-

тельным или бессознательным. Последнее ведь тоже *говорит* с сознанием. В конце концов, как заметил М. Фуко, опыт — это то, из чего ты выходишь измененным. Поэтому психологи, вслед за историками, все чаще обращаются к нарративу.

Благодаря практической ориентации основным орудием, инструментом психологии, наконец (или вновь?) становится слово, которое прямо и непосредственно отражает нашу душевную жизнь. По выражению Г.Г. Шпета слово — это самый надежный, самый могучий отобразитель наших волнений, мыслей и хотений; не хроноскоп, не тахистоскоп, не мнемометр, не энцефалограф или томограф, а слово. (Консультанту или психотерапевту достаточно тонографа для измерения артериального давления, и то не для клиента, а для себя!). Слово, которое «освобождает душу от тесноты», создает «пространства внутренний избыток». «*Мы только с голоса пойдем, / Что там царялось, боролось*», сказал О. Мандельштам. В слове не только смысл и мысль, в нем есть энергия образа и действия. Слово не только сигнал, знак, символ, оно само действие, и чувство. Например, в совместной работе психотерапевта с клиентом, как и в искусстве, слово выходит за пределы языка, сливается с переживанием, мыслью и действием, актуализирует свой внеязыковой потенциал. Благодаря человеческому слову люди начинают узнавать себя в мысли и делах психологов.

Этот гимн слову практического психолога (его мудрое, а не «глубокомысленное» молчание тоже дорогого стоит) — признание того, что в практической психологии есть чем поживиться психологии академической, даже в таких деликатных материях, как переживание и сознание (см. [3; 4]). Парадоксально звучит, но именно на арене психотерапии восстанавливается дискурс о нормальных человеческих взаимоотношениях. Нужно надеяться, что практическая психология раньше академической реализует давнюю мечту П.Я. Гальперина о том, чтобы психоло-

гия стала, наконец, объективной наукой о субъективном мире человека. Именно в такой психологии нуждаются люди. Сложному миру может противостоять и справляться с ним лишь человек со столь же сложно организованным внутренним миром, который не является отражением или калькой мира внешнего, пусть и трижды интериоризированного. Это и есть «человек психологический». Ему труднее противостоять простому, грубому миру насилия. Будем разделяться на то, что окружающий нас мир будет усложняться, а вместе с ним будет становиться все более богатым и содержательным внутренний мир человека. (Конечно, мы не имеем в виду беспредельного чиновно-бюрократического усложнения мира. Он уже сегодня таков, что в нем почти нет шансов разобраться ни человеку разумному, ни экономическому, ни психологическому. Невольно вспоминаются слова гоголевского Акакия Акакиевича: «... секретари того ... ненадежный народ...».) Отношения между двумя мирами двусторонние. Математик и философ М.В. Бугаев (отец А. Белого) говорил, что с ростом сложности духовного мира растет и мировая гармония. Хотя этот прогноз был сделан сто лет тому назад, кажется, что до

«мировой гармонии» нам еще дальше, чем прежде. Во всяком случае, о ней сегодня никто не вспоминает. Усложнение духовного (или, может быть, точнее, внутреннего) мира человека все же происходит, правда, не столь быстро, как хотелось бы. Подобный рост, конечно, не упрощает работу психологов, но легкой жизни нам никто не обещал. К тому же от легкой жизни не долго сойти с ума.

1. *Бахтин М.М.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2002.
2. *Блок А.* Соч.: В 6 т. Т. 5. М.: Худлит. Ленинградское отделение, 1982.
3. *Василюк Ф.Е.* Культурно-антропологические условия возможности психотерапевтического опыта // Культурно-историческая психология. 2007. № 1. С. 80—92.
4. *Копьёв А.Ф.* О диалогической природе психотерапевтического опыта // Культурно-историческая психология. 2007. № 1. С. 93—100.
5. *Лосев А.Ф.* Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991.
6. *Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси: Мецниереба, 1984.
7. *Шпет Г.Г.* *Philosophia Natalis.* Избр. психолого-педагогич. труды. М.: РОССПЕН, 2006.

Поступила в редакцию 11.III 2008 г.